

In Moscow We Trust

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Николай Шарипов

In Moscow We Trust

<https://litres.ru/74108208>

SelfPub; 2026

Аннотация

История о том, как расстояние измеряется не километрами, а количеством стертых сообщений в телефоне.

«In Moscow We Trust» — грязный, нервный и предельно соматический автофикшн о тотальном одиночестве в мегаполисе. Документ выгорания человека, который променял учебу и стабильность на иллюзию возвращения прошлого, улетел в Домодедово, выпил горькое пиво у гейта, сбежал в пустыню Ургенча к мертвому деду, но так и не смог порвать стальной поводок.

Финал будет сыгран в смокинге на чужих поминках.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	11
Ташкент.14 апреля.	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Николай Шарипов

In Moscow We Trust

Глава 1

Зеркало треснуло с сухим, коротким хрустом. Я целился прямо в переносицу этому убогому человеку в отражении. Небритого три дня. Плачущего навзрыд. В первую долю секунды ничего не упало, просто из точки удара во все стороны разбежалась маленькая острая паутинка морщин, дробившая мое лицо на фрагменты

Амир.

Коля.

Ян.

Каждый сидел в своем отдельном осколке, и ни одному из не было хорошо.

Из разбитых костяшек пальцев потекла густая, темная кровь. Она капала на пол. Первая капля.

Вторая капля.

Третья капля.

Капала на пол смешиваясь с кислым и невкусным вином, которое я только что глушил из горла бутылки, заливая лацканы своего дурацкого, жаркого пиджака.

Я подхватил рюкзак, дернул ручку чемодана и вылетел в

коридор к лифтам. Кабина со свистом понеслась вниз с двадцать третьего этажа Ботанического сада, проваливаясь в самую глухую пизду. А в ушах 90 на 60 рухнувшего давления.

Двери разъехались в лобби. В правой руке была бутылка вина. Я жадно поднес ее к горлу и начал выливать на себя.

Вся наша ташкентская диаспора стояла плотной толпой на перекуре у самого выхода. Сашка в очках застыл с зажигалкой, Алина медленно отпустила руку с дымящейся сигаретой. Я шел. Волоча липкий от запекшейся крови чемодан. Я заорал. Заорал до срыва связок до хрипа.

— Аревуар, блять! Я в Ташкент!

Толкнул мокрым плечо тяжелую стеклянную дверь и вышел на улицу. Сырой московский воздух. Ударил в лицо моей пьяной роже.

Она стояла чуть в стороне от общей толпы, прямо над пластиковым козырьком отеля. Тонкие пальцы без лака. Она увидела меня и замолчала. Она увидела мое окровавленное, серое лицо в темных потеках вина. И замолчала. Просто смотрела на это жалкое, конченное убожество посреди Москвы своими синими, бездонными глазами. Пугающе неподвижными, как кафельный пол в зарафшанском морге.

— Значит, все вот так, да?! Вот так просто?!

Я кричал через этот пустой проспект.

Она что-то ответила. Ее губы шевелились, обнажая белые зубки. Но в моей голове в эту самую секунду на предельной частоте орала чертовы три гудка.

Первый гудок.

Второй гудок.

Третий гудок.

Реальность окончательно треснула. Я зло махнул рукой и пошел прочь, утаскивая свой хлам в грязный Московский закат.

Минут через 15 телефон в кармане задергался короткой судорогой в ноге. Экран был сплошь заляпан вином и грязью, мутными разводами от моей крови.

Лиза.

— Алло, — буркнул я в динамик.

— Вернись в отель, — ответил ее нежный голос. И сразу сбросила. Гудки провалились в бездну.

Я не вернулся. Точнее, я дошел до края отеля. Положил свои грязные сумки и сел на них. Разбитый. Униженный. Никому не нужный в Москве. Сидел я долго. Два часа. Давление ушло куда-то на отметку 60 на 0. Я едва соображал, кто я по паспорту — Амир? Коля?

Через два часа стеклянные двери разъехались. Вышла она. Видимо домой. Она шла по мокрой дорожке прямо мимо меня. Увидев меня она остановилась. Посмотрела сверху вниз.

В ее синих, море-глазах не было жалости. Она смотрела на меня как на придорожную уличную грязь, как на опустившегося маргинала, замерзающего на собственных чемоданах. В этом взгляде была только глухая, стерильная брезгливость и точка. Полная. Окончательная.

Она развернулась и растворилась между серыми небо-скребами.

Трясушимися пальцами я открыл приложение в телефоне. Ближайший рейс в Узбекистан был до Ургенча. Похуй. Вбил паспортные данные и нажал «оплатить». Билет бы куплен. Прямо здесь. Прямо сейчас. В этой сырости.

Внутри кармана пиджака в этот момент что-то сухо, тихо хрустнуло. Кашгарские часы. Стрелки двигались.

Круг. Еще один круг. Но заводить их больше некому. Я поймал у края шоссе какое-то желтое такси и поехал в аэропорт.

Я нашел какой-то зачуханный ларек в глубине терминала, взял банку дешевого пива, опустился на стул и вскрыл жестянку с коротким пшиком. Начал пить медленно, большими, тяжелыми глотками

Внутри черепной коробки что-то мягко щелкнуло. Гул толпы отодвинулся за привычную толстую стену из ваты. Наступила глухая, спасительная анестезия. На хуй. На хуй все.

Я встал в самый хвост очереди и начал ждать, пока этот самолет унесет мое тело обратно в Азию.

Где-то там. Далеко за панельками и взлетными полосами, оставался ее район. Два километра. Одна станция метро. Пустота. Полная. Окончательная.

Когда шасси оторвались от московского асфальта и под крылом поплыло мутное марево, меня сквозь гул моторов начало уносить назад.

К самому началу.

К тому дню.

Где когда-то два года назад я обломал чей-то чужой куст в темном, прохладном дворе ради нее. С этого мелкого воровства все и началось.

Глава 2

Меня зовут по-разному.

Амир. Амир на нашем языке значит «повелитель». Чертовски смешно об этом вспоминать, когда в три часа ночи ты стоишь на карачках посреди ковролина в дешевом гостиничном номере, тупо пялишься в раскрытое нутро рюкзака и не можешь сообразить, в какой угол забились вторая пара чистых носков.

«Нарекаю тебя Николаем». Я стоял мокрый, у меня синели губы от сквозняка, а в голове билась одна глупая, детская мысль. Ну всё. Теперь я другой. Теперь старая кожа сойдет, как у змеи, и можно начать заново.

Нельзя. Нихера нельзя начать заново. Вода высохла, а грязь осталась.

Коля. Так называла меня Лиза. Она видела перед собой парня, который говорит по-русски без акцента и часами скулит в три часа ночи над светящимся прямоугольником телефона, размазывая по экрану сопли. Для неё я был просто Колей.

Ян. У Яна не было ни деда Станислава, ни крещения, ни Лизы. Ян просто умел рвать глотку в толпе, ловить чеченские куртки лицом в подворотнях и не чувствовать боли.

Лиза называла меня Колей и, наверное, именно поэтому я всё ещё куда-то еду, тупо переставляя ватные ноги по чу-

жому асфальту.

Глава 3

Ташкент.14 апреля.

Два года. Я стоял у метро, и пальцы ломило от жестких, узловатых стеблей. Букет сирени. Два года назад я обломал чей-то чужой куст в темном, прохладном дворе ради неё. Весна, фиолетовые гроздья, глупая, честная и нищая романтика.

Она вышла из подземного перехода. Улыбалась.

— С годовщиной нас, нам два года. — сказал я.

Она взяла цветы. Уткнулась в них лицом, глубоко, со свистом вдохнула. Сказала «спасибо», и на одну короткую, крошечную секунду всё было так, как должно быть. Всё было правильно. Но мне зачем-то нужно было этот момент закрепить. Убедиться, что она чувствует вес этого дня, вес этих двух лет точно так же, как и я, до судороги в легких.

— С годовщиной, — повторил я, как заклинивший автомат. — Целых два года.

Она медленно опустила букет. Посмотрела на меня своими синими, неподвижными глазами.

— Годовщина — какое-то глупое слово, — сказала она совершенно буднично.

И всё. Одно короткое предложение. Но оно прошило меня

насквозь, сверху вниз, как длинный, ржавый гвоздь, вбитый по самую шляпку в грудину.

Весь оставшийся вечер мы отыгрывали паршивый, провинциальный спектакль под названием «праздник». Поехали за город, в тот самый полупустой парк рядом с дачами, где когда-то познакомились. Я стрелял в тире, плечом чувствовал отдачу копеечной воздушки, выиграл ей какую-то дешёвую плюшевую дрянь с криво пришитыми пластиковыми глазами. Китайский хлам. Она улыбалась, держала эту мертвую игрушку в одной руке, увядающую, потемневшую сирень — в другой. А я шёл рядом, засунув руки в карманы, и внутри меня всё сжималось от липкой, холодной, подкатывающей к горлу тревоги.

«Глупое слово». Почему глупое, Лиза? Потому что для тебя эти два года ничего не значат? Или потому что ты уже не видишь третьего? Я не спросил. Я, блять, просто промолчал. Как мы всегда это делали, когда внутри начинало ныть. Мы покорно засунули эту фразу в карман, присыпали сверху мусором и пошли жрать липкую сладкую вату.

Я надеялся, что вечером мы поедем к ней. Возьмём вина, закроем тяжелую дверь, ляжем рядом на постель, и этот мерзкий холодок между лопатками исчезнет. Выветрится, смоеся алкоголем. Я возьму ее молодое и нежное тело. Прижму к себе. И обнимая ее буду слышать ее стоны, в которых она ласково зовет меня.

Мы стояли на автобусной остановке. Машины неслись ми-

мо, обдавая нас гарью и пылью.

— Папа сегодня приезжает, — сказала она, глядя куда-то в сторону, мимо моего носа, на проезжающие автомобили.

Я всё понял. Фанерная дверь закрылась прямо перед м

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.